

Ошибки и проблемные аспекты квалификации «измены Родине» в первой половине XX века.

Научный руководитель – Полянский Павел Львович

Дмитриева Ника Юрьевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Москва, Россия
E-mail: nikadm.136@mail.ru

Изучение такого состава, как «измена Родине» имеет значение и в наши дни. Современная уголовная политика: законодательные изменения, судебная практика показывают, что государственная измена в наибольшей степени затрагивает национальные интересы в кризисные периоды. Структура работы отражает исследование особенностей состава «измена Родине» в первой половине XX в., его сущностные характеристики и проблемные аспекты квалификации.

Итак, впервые термин «государственная измена» прозвучал в декрете от 20 июня 1919 г. «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» [8; 48]. УК 1922 г. и 1926 г. первоначально не содержали данного понятия. Не содержало состава измены и Положение «О преступлениях государственных» 1927 г. 21 ноября 1929 Президиум ЦИК издал так называемое постановление «О невозвращенцах», где был закреплён непосредственно состав измены. 8 июня 1934 г. издано постановление ЦИК «О дополнении Положения о преступлениях государственных статьями об измене Родине» [8; 344].

Конструкт состава измены Родине, закреплённый в УК 1926 г. (ст. 58.1а-г), породил разночтения в судебной практике, необходимо разобраться, с чем конкретно сталкивался правоприменитель, в этой связи остановимся на рассмотрении элементов состава.

Объектом «измены» признавались военная мощь СССР, государственная независимость и неприкосновенность территории. Объективная сторона была выражена такими действиями, как 1. Шпионаж, 2. Выдача военной или государственной тайны, 3. Переход на сторону врага, 4. Бегство или перелет за границу. Советскими авторами указывалось, что список не исчерпывающий [1; 40], на это прямо указывает и наречие «как-то» в диспозиции ст. 58.1а, что не могло не породить ошибки в правоприменительной практике. Более того, деяния, входящие в объективную сторону измены, были предусмотрены в УК как самостоятельные преступления, например, шпионаж – ст. 58.6 (УК РСФСР 1926 г.), сношения в контрреволюционных целях с иностранным государством – ст. 58.3 и др., поэтому от верного определения элементов состава зависело разграничение измены с похожими деяниями. Состав формальный, сам факт, что гражданин жаждал оказать помощь иностранному государству обуславливал общественную опасность. В этом отношении особое значение имел учёт субъективной стороны.

Измена Родине совершалась только умышленно, закономерно возникает вопрос: возможен ли эвентуальный умысел в данном составе? Некоторые авторы [4; 57] считали, что возможен как прямой, так и косвенный умысел. Такая позиция кажется спорной: как мы ранее отметили, в объективную сторону рассматриваемого преступления не входило наступление общественно опасных последствий, поэтому с косвенным умыслом они совершаться не могли; Лицо, совершившее измену Родине осознавало характер своих действий и их направленность на ущерб внешней безопасности Союза, желало причинение такого

ущерба (п. «а») ст. 10 УК РСФСР 1926 г.), а вероятнее, совершения такого деяния, в противном случае состав бы не имел смысла. Дело в том, что в данном деянии особую роль играло само качество, желание, т.е. «целенаправленное стремление, которое появляется по мере осознания цели» [7; 595]. Обоснованной представляется позиция, согласно которой в формальных составах преступления умысел устанавливается лишь к общественно опасному деянию [2; 80], а такое деяние, как «измена Родине», совершалось лицом именно с осознанием и желанием совершить деяние в ущерб мощи СССР. Вероятно, признание возможности косвенного умысла в рассматриваемом составе вызвано, либо сопоставлением со ст. 58.1 УК 1926 г., где прямо из диспозиции следовал косвенный умысел, хотя и этот вопрос не лишен противоречий [3; 49-50]; либо с отождествлением социального свойства преступления с общественно опасными последствиями.

Двусмысленная законодательная техника привела к искаженному пониманию состава. Получилась ситуация, при которой некоторые из указанных норм (например, 58.3-58.5) «поглощались» статьями 58.1а-г, что в свою очередь только запутало судебную практику, так как одни правоприменители пользовались правилом о «поглощении» [1; 43], например, ст. 58.1б могла использоваться «вместо» ст. 193.24. Другие же использовали составы, существовавшие до закона 8 июня 1934 г. Третьи квалифицировали по нескольким статьям, не разграничивая. «Усугублял» ситуацию и открытый перечень деяний, входивших в объективную сторону измены, поэтому границы могли быть обозначены только при помощи субъективных критериев.

Телеологическое толкование текста закона, приказ НКВД от октября 1938 г. об ответственности жен осужденных, отдельные труды деятелей юстиции [См.: 1], указывают исключительно на прямой умысел.

В итоге, в теории и практике сформировались три «концепции» по субъективной стороне «измены»: 1) В целом нельзя говорить о делении умысла на прямой и косвенный в формальных составах; 2) Возможно две формы умысла в данном составе; 3) Возможен только прямой умысел. По нашему мнению - цель ослабления мощи государства могла иметь место только у лица, действующего с прямым умыслом, это следует из общей законодательной конструкции кодекса РСФСР и соответствует задачам уголовной политики того периода. Так или иначе, в Советской уголовной практике доминировал второй подход.

Таким образом, в первой половине XX в. уголовное законодательство по данным составам не отличалось стройностью, неограниченный перечень деяний, входивших в объективную сторону измены, искусственное расширение субъективной стороны – все это привело не только к различным теоретическим подходам по отношению к тому или иному деянию, непоследовательности уголовно-правовых норм, но и к различной квалификации судами тождественных деяний. Норма отличалась отсутствием чёткого определения юридически значимых признаков, что привело к противоречивому широкому судебскому усмотрению.

Источники и литература

- 1) Герцензон А.А. Государственные преступления. 1938.
- 2) Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974.
- 3) Пионтковский А.А. Советское уголовное право. Особенная часть. М., 1928.
- 4) Пионтковский А.А., Ошерович Б.С. Уголовное право. Особенная часть. М., 1939.
- 5) Познышев С.В. Основные начала науки Уголовного права. Общая часть. М., 1912.
- 6) Процесс антисоветского троцкистского центра // Правда. №26. 1937.
- 7) Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб, 2002.

- 8) Сборник документов по истории уголовного зак-ва СССР и РСФСР 1917-1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953.
- 9) Трайнин А.Н. Учение о составе преступления. М., 1946.